

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.6.17>

UDC 94(100)
LBC 63.3(0)4-99

Submitted: 05.05.2025
Accepted: 07.11.2025

“NOMOI” OF PROCOPIUS

Vadim V. Serov

Altai State University, Barnaul, Russian Federation;
Barnaul Orthodox College, Barnaul, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* There are some unexplored themes in the historiography of Procopius' heritage. One of them is related to his notion of a “law.” The history of the studies of that could be named “Procopius' jurisprudence” knows until now just two themes: first, the legal education level of Procopius, and second, the depth of his acquaintance with Justinianic laws. *Methods and materials.* The problem is that Procopius used the word “law(s)” in different plots in different ways. This article attempts to identify and classify all instances of the term “nTmoj” used by the Early Byzantine historian. *Analysis and results.* The conducted study revealed the following main varieties in Procopius' understanding of the “law”: a) law as an abstraction involved in the world order; b) laws as a set of norms and regulations necessary for the society; c) law as a means of punishment for certain violations and crimes against authority; and finally, d) law as an ingrained custom. In addition to that, Procopius demonstrated by his use of the word the presence in sixth-century Byzantium of two linguistic spaces where the term “law” was not understood in the same way: firstly, the professional legal field, and, secondly, the space of the residential, not special verbal turnover.

Key words: Procopius' heritage, concept of a “law”, legislation, law enforcement, jurisprudence.

Citation. Serov V.V. “Nomoi” of Procopius. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istorija. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2025, vol. 30, no. 6, pp. 236-243. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.6.17>

УДК 94(100)
ББК 63.3(0)4-99

Дата поступления статьи: 05.05.2025
Дата принятия статьи: 07.11.2025

«ЗАКОН» У ПРОКОПИЯ КЕСАРИЙСКОГО

Вадим Валентинович Серов

Алтайский государственный университет, г. Барнаул, Российская Федерация;
Барнаульская православная духовная семинария, г. Барнаул, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* В историографии так называемой «прокопианы» еще встречаются темы, требующие новых исследовательских усилий. Одной из таких тем, некогда затронутых, но оставшихся не вполне разработанными, является представление Прокопия Кесарийского о законах. *Цель и методы.* В трудах Прокопия слово «закон» в его классической форме встречается неравномерно и в различном смысловом контексте. В настоящей статье предпринята попытка выявить все случаи употребления ранне-византийским историком термина νόμος и классифицировать их в соответствии с тем смыслом, который он всякий раз в него вкладывал. *Анализ и результаты.* Исследование обнаружило следующие основные разновидности понимания Прокопием «закона»: закон как абстракция, участвующая в поддержании миropорядка; законы как совокупность норм и требований, необходимых человеческому обществу; закон как средство наказания за конкретные правонарушения и преступления перед властью; закон как обычай. Кроме того, использованием слова «закон» Прокопий продемонстрировал наличие в Византии VI в.

двух пространств, в которых данный термин понимался по-разному – профессионального юридического и общеупотребительного, «рыночного».

Ключевые слова: труды Прокопия Кесарийского, понятие «закон», законодательство, правоприменение, юриспруденция.

Цитирование. Серов В. В. «Закон» у Прокопия Кесарийского // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2025. – Т. 30, № 6. – С. 236–243. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.6.17>

Введение. Одним из первых обратившихся к теме «законов» у Прокопия Кесарийского был, по-видимому, Б.А. Панченко [7, с. 360–368]. В источниковедении второй половины XIX в. обсуждалась проблема авторства «Тайной истории», и использование в ней термина «закон» выступило дополнительным обоснованием идентификации рассматривавшегося исторического источника. Несмотря на то что Б.А. Панченко лишь прикоснулся к тематике законов у Прокопия, ему удалось обозначить целый спектр включенных в нее вопросов и тем самым начертить вектор будущих исследований. Однако в рамках постепенно сложившегося в историографии направления, которое можно было бы назвать «правоведением Прокопия», до сих пор рассматривались лишь две темы: во-первых, юридическое образование этого историка и, во-вторых, степень его знакомства с юстиниановым законодательством.

Вопрос о том, был ли Прокопий Кесарийский профессиональным юристом, в современной византинистике решается в основном положительно, хотя абсолютно твердых оснований к данному выводу не подведено¹, и он, таким образом, еще может быть уточнен или даже пересмотрен.

Тема использования Прокопием некоторых настоящих постановлений императора Юстиниана для иллюстрации своих замечаний и обоснования выводов относительно разных направлений имперской политики во многом исчерпана ввиду ограниченности материала для углубленного предметного исследования [7, с. 309–310; 13; 14].

Таким образом, более чем столетнее изучение «правоведения Прокопия» дало в целом позитивные, но весьма скромные результаты, которые позволяют констатировать, во-первых, очевидный факт знакомства Прокопия Кесарийского с конкретными императорскими постановлениями, и, во-вторых,

наличие ряда не до конца решенных или совершенно не изученных вопросов, требующих, тем не менее, рассмотрения для более полного понимания этой сферы деятельности ранневизантийского историка.

К числу неизученных можно отнести вопрос о том, что Прокопий понимал под «законом», и какие термины использовал для его обозначения.

Цель и методы. Определение понятию «закон» (*lex, νόμος* [15, р. 69]) в юстиниановскую эпоху дано в Дигестах² и Институциях Юстиниана³. В его основу было положено древнее римское представление о суверенитете народа и соответствующих полномочиях власти, которой этот народ повиновался сознательно и добровольно [3, с. 82–83, 88]. С данной точки зрения законом можно называть всякую юридическую норму, не вызывавшую отторжения у большинства населения, которое, впрочем, и в случае неприятия того или иного «закона» продолжало именовать всякое предписание этим же словом, тогда как специалисты-правоведы дифференцировали законы в зависимости от их происхождения, суровости и сферы применения [1, с. 178–203]. Все разновидности того, что называлось «законами», маркировались добавлением имен, определений и обстоятельств, известных и понятных юристам и, очевидно, мало-существенных для обыденного восприятия. Вероятно, единственным основанием как-то различать градации правовых норм и вытекавших из них санкций для жителя империи, не обремененного высшим профессиональным образованием, выступал субъект законоприменения, олицетворявшийся фигурами или институтами власти. В тех же упомянутых юридических источниках, обслуживавших в общем потребности повседневной судебной практики, представлена упрощенная дифференциация правовых норм, посредством

которой происходила первичная сортировка процессуальных материалов и обвиняемых в судах. Так, в Институциях, помимо самого общего деления права на писаное и неписаное, выделены «законы, плебисциты, сенатусконсульты, императорские указы, эдикты магистратов, ответы юристов» (Inst. Just., 1.2.3), а также прочно устоявшиеся обычай (Inst. Just., 1.2.9). Знакомые и понятные всякому грамотному обывателю перечисленные специальные термины в повседневном обиходе вне сферы профессионального юридического словоупотребления заменялись словами *lex* и *vōmoς* как более привычными и удобными. Прокопий, писавший для такого рода публики, должен был иметь представление об особенностях бытования юридической лексики в широкой читательской массе, составлявших норму, которую не могли не учитывать также и юристы, и судьи среднего и низового уровней, работавшие с людьми. В этой связи интерес представляет не столько глубина проникновения Прокопия в сознание ординарного потребителя, ибо это видно невооруженным глазом, сколько его знакомство с профессиональным правоведческим пониманием «закона» и его типологических разновидностей, а также, соответственно, то, насколько сведущим в правоведении можно считать самого историка. Отсюда целью настоящего исследования является характеристика манеры употребления автором «Тайной истории», «Войн» и «Построек» Юстиниана терминов, отвечающих понятию «закона», принятому в юридических источниках юстиниановской эпохи.

Анализ. «Закон» в самом общем смысле (как совокупность правовых норм, законодательство, а также право как таковое) встречается в трудах Прокопия чаще всего и обозначается словами *vōmoς* и, реже, *vōmīca*. Отношение ритора-историка к законам любого государственного устройства вполне традиционно, так как демонстрирует некоторые положения, свойственные еще древнегреческой философии, усвоенные впоследствии римскими правоведческими школами. Главное из этих положений называет законы опорой общественного порядка и средством исправления человеческой природы [4, с. 188–205]. Прокопий в соответствии с римской традицией конкретизирует данное, прежде весьма

абстрактное, понимание законов, на примерах показывая, что закон может и должен обеспечивать правильное течение всех сфер жизни граждан, их политическую и экономическую безопасность внутри государства⁴. Обычно в таких случаях он помещает понятие «закона» вообще или всей совокупности «законов» между другими столь же общественно значимыми продуктами политического разума – верой в божество, частной собственностью и системой обязательств⁵. «Закон», таким образом, приобретает свойства абстрактного целого, состоящего из вполне конкретных частностей.

Примечательной особенностью употребления абстрактного понятия закона является наличие нескольких форм словесного его обозначения. У Прокопия это «закон» (напр.: Н.а., 11.1; 13.23; 16.22; 27.2; В.В. II.15.24; В.Г. IV.30.6), «законы» (напр.: Н.а., 29.15; В.В. II.19.3; В.Г. II.7.8; IV.30.5), а также не очень четко контекстуально идентифицируемый термин *vōmīca*, который в его трудах то выступает в качестве синонима слова *vōmoī*⁶, то обозначает законы высшего порядка,обретенные человечеством еще в догосударственный период его развития⁷, а также некий правопорядок (например: Н.а., 30.28; В.Р. II.23.12; В.В. II.5.24; В.Г. III.8.17; 40.9), то есть и сферу практического правоприменения, и право как таковое, включающее в себя и законы, и обычай, и этические нормы. В целом термин *vōmīca* Прокопием толкуется даже более широко, чем абстрактный закон, хотя иногда в контексте совпадает с ним по значению, а иногда может суживаться до размеров одной из сфер права. Его использование параллельно с другими обозначениями общего порядка объясняется, на наш взгляд, отсутствием у Кесарийца прочных знаний, дававшихся в системе высшего юридического образования, которое уравнивало латинский термин *ius* и греческий *δίκαιον* [15, р. 37]. Возможно также, Прокопий жертвовал правилами использования терминологии в угоду своему стремлению придерживаться древнегреческой традиции, не знавшей римского права со всеми его точными терминами или же не считавшей нужным учитывать его существование⁸. Жанровая принадлежность произведений Прокопия и избранный

им стиль [11] вполне могли побудить его отказаться от строгого соответствия понятиям позднеримской юридической науки, или, во всяком случае, не придерживаться их принципиально.

Подобный подход отмечается при описании разных субъектов законодательной и законоприменительной практики. Так, например, Прокопий нередко использовал слова *νόμος* и *νόμοι* применительно к правовым нормам варваров, которые с точки зрения классической теории права греков и римлян не были способны выработать законы уровня *leges* и *νόμοι*: персы (B.P. I.4.33; 5.1; 5.8; 6.13; 11.3; 11.35; 18.52–53; 23.4; B.P. II.28.26), вандалы (B.V. I.9.10, 21; II.9.21), мавретаны (B.V. I.25.4–5; II.11.18), остготы (B.G. I.1.27; 2.17), лангобарды (B.G. III.35.13), герулы (B.G. II.14.2, 7), бриттии (B.G. IV.20.20). Стоит, правда, оговориться, что в абсолютном большинстве фрагментов с описанием варварских законов Прокопий использует узкое понятие термина «закон», обозначающее конкретную норму для определенной ситуации. Таковой может быть переведен как «обычай», а не «закон», особенно если речь идет о народах, пользовавшихся неписанным правом⁹. Однако согласно классификации, разработанной юстиниановской юриспруденцией и известной, вероятно, Прокопию, такого рода обычай составляли право наряду с «настоящими» законами и приравнивались к последним, хотя и обозначались другим термином – *mores* (Inst. Just., 1.2.9), соответствовавшим греческим *τρόπος* и *ἡθος*. Прокопий, если бы он следовал классической трактовке понятия варварских законов, пользовался бы любым из греческих обозначений «обычая», а не термином «закон», но он предпочитал этот последний, хотя не отказывался и от первых¹⁰. В этом он, впрочем, вполне соответствовал правоведческой традиции юстиниановского времени, которая признавала за любым народом право формулировать свои собственные законы (Inst. Just., 1.2.1). Соответственно, по Прокопию, законы имелись у всех народов и, даже заметно отличаясь своеобразием, выполняли те же функции, что и римские законы у римлян¹¹, являясь гарантией порядка и процветания, что делает «законы» признаком любого человеческого

общества вне зависимости от уровня его экономического и политического развития. При этом историк несколько отличает законоподобные установления разных не-римлян (иногда откровенно называемых им «варварами»¹²) от законов, свойственных всем людям вообще¹³; эти природные права человека, по-видимому, ассоциировались у Прокопия с абстрактной справедливостью, являвшейся величайшей ценностью повсюду¹⁴.

Одно из конкретных проявлений идеи «закона» в общественной жизни для нашего автора – обеспечение справедливых судебных решений (Н.а., 8.11; 13.21; 27.33; De aed., 1.1.10); для этого законы должны быть правильными, то есть полезными большинству граждан (Н.а., 11.1; 13.20; De aed. 1.1.10). В этом своем качестве римские законы постклассического и юстиниановского периодов развития римского права обретали изначальный юридический смысл и предназначение – быть выражением воли народа, сформулированной должностным лицом (Inst. Just., 1.2.4). Властные полномочия, которые при этом доставались обладателям высших магистратур, должны были, по убеждению Прокопия, уравновешиваться их честностью и профессиональными способностями (Н.а., 20.15, 17, 20; B.G. II.6.17). Следуя данной логике, можно было надеяться на то, что все ранневизантийские администраторы уровней от правителя провинции вплоть до самого василевса имели законченное юридическое образование. Прокопий не развивает эту тему в своих произведениях, хотя и порицает тех архонтов, которые не вникли в смысл понятий права и закона¹⁵.

Сюжетов, где рассматривается действие конкретных законов или узаконенных обычаев, тоже немало. Прокопий упоминает о юридических нормах, с которыми так или иначе работали следующие администраторы: эпарх (префект) Константинополя (Н.а., 9.3), квезитор (Н.а., 20.11), квестор (B.P. I.24.16), руководители всех финансовых ведомств (Н.а., 19.8), стратиг (магистр войск) (B.V. I.12.10), сам василевс (например: Н.а., 9.51; 11.24; 21.16; 27.26; 28.7; 29.19; B.P. I.11.11). При этом законодателем выступает исключительно император (например: Н.а., 11.34; 13.20; 14.9–10, 20; 25.16–17, 21; 28.9), а все прочие

занимаются трактовкой и применением существующих установлений в соответствии с установками юстиниановского права, действуя как назначенные им судьи. Даже сенат, который когда-то давно тоже располагал функцией законодательной инициативы и правом выносить решение по важнейшим вопросам в сфере публичного права¹⁶, в VI в. трансформировался в тень былого могущества, переданного автократору и его бюрократии.

Автору «Тайной истории», однако, известны такие разновидности «закона», как сенатусконсульт (δόγμα) и императорские указы (γράμματα) (Н.а., 6.12; 8.29). В подобном качестве они были перечислены и в Институциях Юстиниана (Inst. Just., 1.2.3). При этом присутствующие в данном официальном перечне эдикты магistratov в трудах Прокопия не упоминаются вовсе, что может быть объяснено и его знанием истории права, в ходе которой единственным источником законов оказался император, что отчетливо просматривается в «сенаторской» сюжетной линии. Имперским магistratам («архонтам») оставалось действовать в сжатых рамках – «согласно закону» (νόμῳ) или «совсем не по закону» (οὐδενὶ νόμῳ), – в соответствии с политической конъюнктурой текущего момента и внутренними моральными ориентирами.

Перечисленные случаи употребления слова «закон» в произведениях Прокопия Кесарийского составляют основу его понимания того, что выражалось термином νόμος, однако не исчерпывают всех его оттенков. Выше уже говорилось о замене «номосом» слов, обозначавших некоторые общественно признанные явления, которые не рассматривались юстиниановской юриспруденцией в качестве синонимов термина *lex*, хотя и составляли вместе с последним «общенародное» право (Inst. Just., 1.2.1, 9). У Кесарийца немного примеров такого рода, но они имеют немаловажное значение в реконструкции его картины мира законов.

Эти явления возникали в однородной социальной среде или на относительно замкнутом пространстве, формируя некую внутреннюю правовую норму, иногда оформляемую в императорском законодательстве в виде реминисценции или рескриптом. У Прокопия это преимущественно военная сфе-

ра – офицерский корпус (B.V. II.9.15; 28.7), солдатская среда (Н.а., 24.2, 27; B.P. I.9.7), правила ведения войны (B.P. I.18.52–53; B.V. II.6.27; B.G. I.2.26; III.16.9; 17.5; De aed., 4.1.7). Прочие случаи единичны¹⁷.

Почему Прокопий заменял словом νόμος другие слова, явно более подходящие для описываемых явлений, не вполне ясно. Наиболее вероятным кажется предположение о том, что этот ранневизантийский литератор отказывался быть профессиональным юристом в сюжетах, упоминавших какие бы то ни было правовые нормы, и не использовал всякий раз только наиболее подходящие для них термины, предпочитая универсальное обиходное слово «закон» различным «обычаям», «предписаниям» и «нормам», особенно тогда, когда и сам не точно понимал, о каком правовом феномене рассказывает¹⁸. Наличие юридического обозначения не гарантировало его обладателю способности отличать законы, обычаи и морально-этические предписания, выходившие за рамки постклассического римского права. И если некоторые необъяснимые тогдашними знаниями природные явления можно было для красоты слога сравнить с неотвратимостью идеальной юстиции, чтобы продемонстрировать естественность происхождения и применения человеческих законов (Н.а., 9.25; B.G. IV.6.30), то, например, различные религиозные установления, бывшие для верующих несомненным законом, Прокопий иным словом, нежели νόμος, называть не решался¹⁹ не потому, что они прямо соответствовали этому понятию, но либо из уважения к чувствам верующей аудитории, либо потому, что сам был искренне верующим человеком.

Рассмотренными сюжетами в основном исчерпывается перечень случаев использования в трудах Прокопия из Кесарии слова «закон» (νόμος) и одной из его производных – νόμιμα, иногда обозначавшей множество законов, не совпадавшее с понятием «право». Незатронутым остался массив родственных «закону» понятий δίκη, δίκαια с их производными, а также все, помимо νόμιμα, слова, однокоренные с νόμος. Его комплексный анализ с учетом результатов уже проделанного исследования позволил бы выявить прочие

ПРИМЕЧАНИЯ

особенности отношений Прокопия со сферой права. Однако это – тема уже новой работы.

Результаты. Итогом же проделанного исследования стало выявление определенной специфики обращения Прокопия с термином «закон» (*νόμος*, *νόμοι*, и, с подачи Б. Панченко, некоторым образом – *νόμιца*), заключавшейся в целом в объединении официального юридического и общеупотребительного его понятий.

Официально установленное определение закона основывалось на классическом понимании данного феномена, которое увязывалось с представлением о народе как источнике легитимной власти и поддержке ее решений. Популярное же понимание того, что есть закон, было более расплывчатым, но одновременно и приближенным к окружающим реалиям: закон – это то, чего требует власть во всех ее проявлениях, и то, что нельзя не выполнить без негативных последствий.

Прокопий был знаком с обеими трактовками понятия «закон», но в своих литературных произведениях больше ориентировался на народное понимание закона. Поэтому слово «закон» у него приобретает универсальное звучание, обозначая сразу несколько понятий: законы вообще или законодательство как опора общественного порядка; юридическая норма, регулирующая определенный вид отношений и применяемая по конкретному поводу специальными администраторами; узаконенные временем или властью, но не обязательно записанные обычаи.

Причиной такого отношения к рассматриваемому термину, вероятно, было не только стремление историка соответствовать уровню широкой читательской аудитории. Очень может быть, что в более свободной трактовке понятия «закон» нашли отражение известные тенденции развития правоведения в VI в., в том числе – возраставшее влияние на постклассическую римскую юриспруденцию вульгаризированного и обычного права народов, оказавшихся в составе Ранневизантийского государства. Прокопий, бывший, как предполагается, выпускником кесарийской юридической школы, вполне осознанно мог выступить проводником этих новых идей [6, с. 112–113]. С данной точки зрения он является несомненным юристом и знатоком не только отдельных законов, но и самого права.

¹ Например: [12, р. 150; 14, р. 186–200]. Авторы в качестве аргументов приводят: знакомство Прокопия с содержанием отдельных законов, его ассессорство, мнение Менандра, – ни один из которых не является исчерпывающим.

² [2, с. 107] (здесь и далее – общепринятая форма ссылки на источник: Dig., 1.3.1): «Закон есть общее для всех предписание..., обуздание преступлений..., гарантия государства».

³ [5, с. 19] (здесь и далее – общепринятая форма ссылки на источник: Inst. Just., 1.2.4): «Закон есть то, что римский народ постановил по предложению должностного лица...».

⁴ Н.а., 11.1; 13.23; 16.22; 27.2; 29.15; 30.28 (здесь и далее используется издание: [17]; B.V. II.15.24; 19.3 (здесь и далее использовано издание: [20]); B.G. III.8.17; IV.30.5–6 (здесь и далее использовано издание: [18]); De aed., 1.10.7 (здесь и далее используется издание: [21]).

⁵ Например: Н.а., 13.23: «И пока он правил римлянами, ни вера в Бога, ни вероучение не оставались крепкими, закон не был прочным, дела – надежными, а сделка – действительной» (цит. по: [10, с. 298]; 27.2; B.G. II.7.8; IV.30.5).

⁶ Например: B.P. I.11.3 (здесь и далее использовано издание: [19]); 11.35; B.V. I.12.10; De aed., 1.10.7.

⁷ Например: Н.а., 2.31: *νόμιμα πάντων ἀνθρόποιν*

⁸ Слова *νόμιμον*, *νόμιμα* изредка встречаются и у философов (Платон [16, р. 9]: Plato, Nomoi. I.3: Κρητῶν *νόμιμα*), и у историков (Ксенофонт [22, IV.6]: *νόμιμα, νομίμως*) Древней Греции, а вот, например, римский историк, писавший по-гречески и о Древней Греции, – Плутарх – эти слова в своих текстах не использовал.

⁹ Из перечисленных Прокопием к таким относились вандалы, мавры, лангобарды, герулы и бриттии. Персы же и остготы пользовались писанным правом, притом последние – римским (B.G. II.6.17: «Таким образом, получив... власть над Италией, мы сохранили и законы, и политическое устройство ничуть не хуже, чем кто-либо из прежних императоров, и нет... ни одного закона..., который был бы издан Теодорихом или кем-то другим, получившим власть над готами» (цит. по: [9, с. 185]).

¹⁰ Например: B.V. I.9.8; B.V. II.9.3; B.G. I.20.13 (*τρόπος*); Н.а., 29.25; B.V. II.9.4; B.G. I.2.8 (*ἔθος*); De aed., 6.2.9 (*ἔθος*).

¹¹ B.P. I.11.18: «...и хотя законы у всех народов... во многом друг другу противоречат, в этом случае как у римлян, так и у варваров они сходны...» (цит. по: [10, с. 30]); B.G. II.14.2, 7; IV.30.5.

¹² B.G. I.2.17: βέρβαρον νόμον; III.16.9.

¹³ Н.а., 2.31: νόμιμα πάντων ἀνθρώπων; B.G. I.20.15; IV.20.20: νόμος ἀνθρώπων; ср.: Inst. Just., 1.2.1: omnes populi qui legibus et moribus reguntur... omnium hominum iure utantur.

¹⁴ Например, B.G. I.7.15: ἐνδίκως ... ἀνθρώποι.

¹⁵ В данной связи примечателен такой фрагмент из «Тайной истории» (Н.а., 20.17): «Ему <Юнилу, назначенному квестором императорского двора> законы не были известны даже на слух, поскольку он не был даже ритором». Прокопий Кесарийский, сам будучи ритором, таким образом подсказывает читателю, что ритор – это не полноценный юрист, хотя мог быть вполне юридически образован, что позволяло ему вести деятельность в сфере правового оборота.

¹⁶ Н.а., 8.13: δόγμα ... τῆς συγκλήτου βουλῆς.

¹⁷ Н.а., 14.8: «Ибо сенат собирался лишь для вида и ради соблюдения древнего обычая (νόμου»; B.P. I.21.11: «у римлян и персов издавна существует правило (νόμος) содержать за счет казны лазутчиков»; B.P. II.14.5: «кипарисы необыкновенной высоты, рубить которые было запрещено постановлением (νόμος) <вероятно, антиохийского совета>».

¹⁸ Яркий пример тому – персидские «законы». Описывая случаи их применения, Прокопий, судя по всему, не был уверен в том, что в законодательных сводах Сасанидов имеются соответствующие записи, обладавшие силой римских *leges*. Все упомянутые им персидские законы не встречаются в законодательных источниках Позднесасанидского Ирана [8]. Речь в соответствующих фрагментах у Прокопия идет именно об обычаях, а не о законах.

¹⁹ Н.а., 1.16: Χριστιανοῖς νόμος; B.G. IV.12.8: Θρωμαίοις Χριστιανοῖς νόμος; De aed., 5.8.8: Μωσέα φασὶ πρὸς τοῦ θεοῦ τοὺς νόμους.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бартошек М. Римское право: понятия, термины, определения. М.: Юрид. лит., 1989. 448 с.
2. Дигесты Юстиниана. Т. I / отв. ред. Л.Л. Кофанов. М.: Статут, 2002. 584 с.
3. Дождев Д. В. Римское частное право. М.: ИНФРА-М; Норма, 1996. 704 с.
4. Жданов П. С. Понятие «закона» в контексте греческого мировоззрения VI–IV вв. до н. э. // Правоведение. 2014. № 3 (314). С. 188–205.
5. Институции Юстиниана / под. ред. Л. Л. Кофанова, В. А. Томсикова. М.: Зерцало, 1998. 400 с.
6. Липшиц Е. Э. Право и суд в Византии в IV–VIII вв. Л.: Наука, 1976. 232 с.
7. Панченко Б. О Тайной истории Прокопия // Византийский временник. 1895. Т. II, вып. 2–3. С. 340–371; 1896. Т. III, вып. 2. С. 300–316.

8. Периханян А. Г. Сасанидский судебник «Книга тысячи судебных решений». Ереван: АН Армянской ССР, 1973. 609 с.

9. Прокопий из Кесарии. Война с готами / под ред. Е. А. Косминского. М.: АН СССР, 1950. 515 с.

10. Прокопий Кесарийский. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история / отв. ред. Г. Г. Литаврин. СПб.: Алетейя, 1998. 544 с.

11. Cameron Av. Procopius and the Sixth Century. Berkeley; Los Angeles: University of California Press, 1985. 320 р.

12. Greatrex G. Lawyers and Historians in Late Antiquity // Law, Society, and Authority in Late Antiquity / ed. by R. Mathisen. Oxford: Oxford University Press, 2001. P. 148–161.

13. Kaldellis A. Procopius of Caesarea. Tyranny, History, and Philosophy at the End of Antiquity. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2004. 315 p.

14. Kruse M. Justinian's Laws and Procopius' Wars // Procopius of Caesarea: Literary and Historical Interpretations / ed. by Chr. Lillington-Martin, E. Turquois. L.: Routledge, 2017. P. 186–200.

15. Mason H. J. Greek Terms for Roman Institutions. A Lexicon and Analysis. Toronto: Hakkert, 1974. 230 p.

16. Platonis leges et epitomis. T. I. Lipsiae: Weidmann, 1814. 536 p.

17. Prokop. Bd. I: Anekdota / hrsg. von O. Veh. München: Artemis Verlag, 1981. 337 S.

18. Prokop. Bd. II: Gotenkriege. Griechisch-Deutsch / hrsg. von O. Veh. München: Heimeran Verlag, 1978. 1288 S.

19. Prokop. Bd. III: Perserkriege / hrsg. von O. Veh. München: Ernst Heimeran Verlag, 1970. 588 S.

20. Prokop. Bd. IV: Vandalenkriege / hrsg. von O. Veh. München: Ernst Heimeran Verlag, 1971. 584 S.

21. Prokop. Bd. V: Bauten / hrsg. von O. Veh. München: Heimeran Verlag, 1977. 571 S.

22. Xenophon. Apologia Socratis // Xenophontis opera omnia. T. II / rec. E. Marchant. Oxford: Clarendon Press, 1901. P. 208–268.

REFERENCES

1. Bartoshek M. *Rimskoe pravo: ponyatiya, terminy, opredeleniya* [Roman Law: Terms and Definitions]. Moscow, Yurid. lit. Publ., 1989. 448 p.
2. Kofanov L.L., ed. *Digesty Yustiniana. T. I* [Digest of Justinian. Vol. 1]. Moscow, Statut Publ., 2002. 584 p.
3. Dozhdev D.V. *Rimskoe chastnoe pravo* [Private Roman Law]. Moscow, INFRA-M Publ.; Norma Publ., 1996. 704 p.
4. Zhdanov P.S. *Ponyatie «zakona» v kontekste grecheskogo mirovozzreniya VI–IV vv. do n.e.* [The Concept “Law” in the Context of Greek Worldview

- of the 6th–4th Centuries BC]. *Pravovedenie* [Jurisprudence], 2014, no. 3 (314), pp. 188–205.
5. Kofanov L.L., Tomsinov V.A., eds. *Institutii Yustiniana* [The Institutions of Justinian]. Moscow, Zertsalo Publ., 1998. 400 p.
6. Lipshits E.E. *Pravo i sud v Vizantii v IV–VIII vv.* [Law and Justice in Byzantium in the 4th–8th Centuries]. Leningrad, Nauka Publ., 1976. 232 p.
7. Panchenko B. O Taynoy istorii Prokopiya [On the Secret History of Procopius]. *Vizantiiskiy vremennik* [Byzantine Chronika], 1895, vol. II, iss. 2–3, pp. 340–371; 1896, vol. III, iss. 2, pp. 300–316.
8. Perikhanian A.G. *Sasanidskiy sudebnik «Kniga tysyachi sudebnykh resheniy»* [The Book of a Thousand Judgments (A Sasanian Law-Book)]. Yerevan, AN Armyanskoy SSR Publ., 1973. 609 p.
9. Kosminskiy E.A., ed. *Prokopiy iz Kesarii. Vojna s gotami* [Procopius of Caesarea. Gothic War]. Moscow, AN SSSR, 1950. 515 p.
10. Litavrin G.G., ed. *Prokopiy Kesariyskiy. Vojna s persami. Vojna s vandalami. Taynaya istoriya* [Procopius of Caesarea. Persian War. Vandalic War. Secret History]. Saint Petersburg, Aletheia Publ., 1998. 544 p.
11. Cameron Av. *Procopius and the Sixth Century*. Berkeley; Los Angeles, University of California Press, 1985. 320 p.
12. Greatrex G. Lawyers and Historians in Late Antiquity. Mathisen R., ed. *Law, Society, and Author-*
- ity in Late Antiquity*. Oxford, Oxford University Press, 2001, pp. 148–161.
13. Kaldellis A. *Procopius of Caesarea. Tyranny, History, and Philosophy at the End of Antiquity*. Philadelphia, University of Pennsylvania Press, 2004. 315 p.
14. Kruse M. Justinian's Laws and Procopius' Wars. Lillington-Martin Chr., Turquois E. *Procopius of Caesarea: Literary and Historical Interpretations*. London, Routledge, 2017, pp. 186–200.
15. Mason H.J. *Greek Terms for Roman Institutions. A Lexicon and Analysis*. Toronto, Hakkert, 1974. 230 p.
16. *Platonis leges et epitomis. T. I.* Lipsiae, Weidmann, 1814. 536 p.
17. Veh O., Hrsg. *Prokop. Bd. I: Anekdata*. München, Artemis Verlag, 1981. 337 S.
18. Veh O., Hrsg. *Prokop. Bd. II: Gotenkriege*. Griechisch-Deutsch. München, Heimeran Verlag, 1978. 1288 S.
19. Veh O., Hrsg. *Prokop. Bd. III: Perserkriege*. München, Ernst Heimeran Verlag, 1970. 588 S.
20. Veh O., Hrsg. *Prokop. Bd. IV: Vandalenkriege*. München, Ernst Heimeran Verlag, 1971. 584 S.
21. Veh O., Hrsg. *Prokop. Bd. V: Bauten*. München, Heimeran Verlag, 1977. 571 S.
22. Xenophon. *Apologia Socratis*. Marchant E., ed. *Xenophontis opera omnia. T. II.* Oxford, Clarendon Press, 1901, pp. 208–268.

Information About the Author

Vadim V. Serov, Doctor of Sciences (History), Professor, Altai State University, Pros. Lenina, 61, 656049 Barnaul, Russian Federation; Barnaul Orthodox College, Yadrintseva Lane, 66, 656008 Barnaul, Russian Federation, wseroff@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0348-5499>

Информация об авторе

Вадим Валентинович Серов, доктор исторических наук, профессор, Алтайский государственный университет, просп. Ленина, 61, 656049 г. Барнаул, Российская Федерация; Барнаульская православная духовная семинария, пер. Ядринцева, 66, 656008 г. Барнаул, Российская Федерация, wseroff@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0348-5499>